

Глава 8. Схватка за власть

Лао Цзян был единственным человеком, которому Хэ Чэншуан доверял безоговорочно. Е Цинжан поначалу наотрез отказывался оставлять его у себя, но Хэ Чэншуан проявил такое упрямство, что все доводы разума разбились о его глухую стену. Спорить было бесполезно.

Прозвище «Лао» — Старик — Цзян получил вовсе не за возраст: ему не исполнилось и тридцати. Особым умом он не отличался — еще в детстве сильно отстал в развитии. Судьба свела их, когда Хэ Чэншуан, будучи подростком, бродяжничал. Спустя пару дней общения стало ясно, что этот добродушный великан обделен разумом — его, огромного и сильного, нещадно колотили и задирали даже самые тщедушные беспризорники. Самому Хэ Чэншуану тогда едва стукнуло четырнадцать, но он уже отличался неистовой, почти звериной свирепостью и в драках никогда не щадил ни себя, ни врагов.

Никто не решался связываться с безумцем, готовым драться насмерть. Под его защитой Лао Цзян быстро привязался к своему спасителю. Он был готов пойти за Хэ Чэншуаном в огонь и в воду, молча подставиться под пулю или нож, не задавая лишних вопросов. Преданность его не знала границ.

За четырнадцать лет рядом с Хэ Чэншуаном Лао Цзян научился скрывать былую растерянность. На его лице больше не появлялось то глуповатое выражение обиженного ребенка. Когда он молчал, его лицо оставалось бесстрастным, и, пока дело не доходило до споров, никто не мог заподозрить в нем изъяна. Напротив, косая сажень в плечах и суровый вид производили на незнакомцев весьма грозное впечатление.

Свое настоящее имя Лао Цзян позабыл. Помнил лишь, как много лет назад родные взяли его погулять и оставили на глухой окраине — видно, у семьи просто не было денег и сил возиться с особенным ребенком. Годы скитаний прибавили ему житейской мудрости, и предложению остаться у Е Цинжана он искренне обрадовался. Когда Хэ Чэншуан обедал сам, он никогда не оставлял своего верного помощника голодным, но стоило за дело взяться Е Цинжану, как бедному великану не доставалось ни ложки супа. Лао Цзян от этого искренне грустил и недоумевал.

Теперь же, когда босс уехал по делам, Лао Цзян рассудил, что с его-то выдающейся смекалкой выпросить трехразовое питание у доброго хозяина будет парой пустяков. Хэ Чэншуан, еще несколько дней назад клявшийся никому не давать и крошки стряпни Е Цинжана, даже представить себе не мог, что его верный громила примется нагло разыгрывать перед юношей сироту казанскую. Тот со скорбным видом лепетал, что ни за что не посмеет занять место Босса Хэ за столом — мол, положите мне капельку в миску, я на пороге поем. Е Цинжан, глядя на это представление, едва не поверил, что Хэ Чэншуан держит своих людей в черном теле.

Если у Хэ Чэншуана аппетит был богатырским, то желудок Лао Цзяна напоминал бездонную бочку. В конце концов великан благополучно перебрался за стол, притащив себе отдельную скамью, и уплетал еду с таким оглушительным чавканьем и скоростью, будто его морили голодом последний год.

Е Цинжану, впрочем, компания Лао Цзяна пришлась по душе. Мир этого простодушного гиганта отличался незамысловатостью: он беспрекословно подчинялся командам Хэ Чэншуана, а поскольку тот велел во всем слушаться Е Цинжана, великан выполнял любые его просьбы без единого возражения.

Перед Хэ Чэншуаном Лао Цзян благоговел, смешивая обожание со страхом, а к таким хрупким и интеллигентным студентам, как Е Цинжан, поначалу относился со сдержанным равнодушием. Все изменилось, когда парень вскользь упомянул, что его отец — университетский профессор, да и сам он частенько подтягивал по учебе младших родственников. Лао Цзян от этих слов едва не хватил удар.

В первом классе школы он умудрялся получать за контрольные по математике и родному языку не больше десятка баллов. Учителя при его виде лишь тяжело вздыхали, а родители устраивали жестокие порки. С тех пор любой намек на учебу наводил на него священный ужас, поэтому стоило Е Цинжану мягко порекомендовать ему почитать книгу, как Лао Цзян мгновенно становился тише воды, ниже травы, выказывая невероятную покорность.

Он выгодно отличался от «нормальных» людей из окружения Хэ Чэншуана, которые то шушукались за спиной о том, что Е Цинжана просто «пригрели» ради плотских утех, то строили из себя высокомерных господ, хотя в глубине души дико завидовали его особому положению при боссе. С такими завистливыми и скользкими типами Е Цинжану говорить было не о чем, и он попросту их игнорировал.

Хэ Чэншуан, помня о страсти Е Цинжана к собирательству нефрита, перед самым отъездом расщедрился и притащил ему огромную глыбу чистейшего изумрудного жадеита сорта «императорский нефрит» — настоящую жемчужину своей тайной коллекции. Вместо благодарности он получил от юноши суровый выговор за расточительность, после чего уязвленному боссу пришлось уступить и позволить Е Цинжану самому выбрать несколько камней среднего и низкого качества.

Пять дней пролетели как один миг. В тишине пустой спальни соткался из воздуха силуэт человека. Е Цинжан, медитировавший все это время в Малом Тайном Пространстве, наконец совершил прорыв, перешагнув с начальной ступени стадии Концентрации Каналов на среднюю.

Едва покинув Малое Тайное Пространство, он бросился в ванную. Кожа его покрылась тонким слоем бурой склизкой грязи, источавшей тошнотворный, застоявшийся запах тухлой крови и пота — зрелище не из приятных.

Но, смыв под горячими струями грязь и осмотрев себя внутренним взором, юноша понял, что мучения того стоили. Чистейшая духовная энергия, изо дня в день омывавшая его каналы, вытолкнула наружу глубоко засевшие в теле шлаки и токсины. Тело наполнилось звенящей легкостью, разум прояснился, а шаги и дыхание стали настолько бесшумными, что позавидовали бы мастера боевых искусств древности.

Отодвинув тяжелую портьеру, он глянул во двор. Там, внизу, черный леопард припал к земле, выслеживая забредшего фазана. Рана на лапе Да Хэя еще затянулась не до конца, но зверь явно истосковался по вкусу настоящей охоты.

Звериное чутье во время охоты не притупляется — леопард мгновенно уловил чужой взгляд. Он резко вскинул голову, уставившись на окно золотисто-кариими глазами с сужившимися в тонкие нити зрачками.

Е Цинжан подивился такой чуткости.

«В прошлой жизни после начала конца многие животные и растения мутировали. И те, кто изначально стоял на вершине пищевой цепочки, становились куда опаснее безмозглых мертвецов. Похоже, Да Хэй обречен на пробуждение силы»

Е Цинжана это радовало. Хищник уже признал его и Хэ Чэншуана своими. Если им доведется путешествовать вместе, Да Хэй станет незаменимым союзником и верным товарищем — существом куда более надежным, чем коварные, вечно колеблющиеся люди.

Конечно, если леопард решит уйти на волю, удерживать его силой никто не станет. Во-первых, Е Цинжан слишком ценил свободу зверя, а во-вторых, мутировавшие хищники в апокалипсисе отличались свирепым нравом и развитым интеллектом — подчинить их вопреки желанию было попросту невозможно.

Перейдя к другому окну, выходящему на парадный двор, он увидел тренирующегося Лао Цзяна. Тот занимался с обнаженным торсом, бугры мышц плавно перекатывались под кожей при каждом движении. Ростом он превосходил даже Хэ Чэншуана — без малого метр девяносто живой сокрушительной силы.

Е Цинжан невольно поморщился от подступившей головной боли. После конца света прокормить эту ораву здоровых мужиков, да еще и прожорливого хищника в придачу, будет той еще задачей. Расходы на провизию предстояли колоссальные.

Не будь у него Мешочка Малого Тайного Пространства, пришлось бы туго. К этому дню он уже успел аккуратно высадить там грядки с овощами и фруктовыми деревьями. Юноша заметил интересную закономерность: с каждым шагом в самосовершенствовании густой белый туман на границах пространства немного отступал. Пусть изменения были едва заметными, это доказывало главное — рост его личной силы напрямую расширял границы его личного рая.

Поев, Лао Цзян отправился к себе на первый этаж — читать. Е Цинжан выделил ему свою старую школьную книгу «Искусство войны» Сунь-цзы с подробными личными комментариями на полях. Пусть в детстве великан и развивался медленнее сверстников, Е Цинжана это не смущало: он понимал, что корень проблемы крылся в халатности родителей и учителей, которые не захотели вовремя проявить терпение к особенному ребенку.

Трактат великого стратега нес в себе глубокую житейскую мудрость, а простые и емкие примечания Е Цинжана делали текст доступным даже для Лао Цзяна. Принимая книгу, великан внутренне сжался, ожидая неминуемых тумачеств за тупость, но, к его изумлению, молодой учитель разбирал с ним каждую строчку с бесконечным терпением, ни разу не нахмурился и не обозвал глупцом.

В этот момент Лао Цзян окончательно понял: учиться — это здорово.

Поднявшись к себе на второй этаж, Е Цинжан устроился на постели. Духовные практики заметно укрепили его тело и дух — теперь он мог медитировать по три часа без перерыва. Юноша предполагал, что когда достигнет стадии полного контроля над энергией, потребность во сне, еде и воде исчезнет вовсе на долгие дни.

Окончив очередную сессию, он откинулся на мягкие подушки. Сон не шел. Мысли невольно вернулись к Хэ Чэншуану. Если все шло по плану, тот должен был вернуться со дня на день.

Е Цинжан лениво предавался размышлениям, наслаждаясь редкими мгновениями покоя, пока стрелки часов не приблизились к полуночи.

Тишину спящего пригорода разорвал резкий, сухой выстрел. Следом за ним грянула беспорядочная автоматная очередь. Е Цинжан мгновенно перекатился на бок и прильнул к стеклу. Во двор ворвались пятеро мужчин в черном с пистолетами-пулеметами наготове, а за их спинами маячили еще десятка полтора громил покрупнее, вооруженных чем попало. На заплыванном бетоне уже лежали окровавленные тела — те самые охранники, которых лично отбирал Хэ Чэншуан.

Двое уцелевших защитников укрылись за мощными стволами раскидистых акаций, пытаясь отстреливаться и выгадать хоть немного времени.

Распахнув дверь спальни, Е Цинжан бросился вниз по лестнице, где едва не столкнулся лоб в лоб с Лао Цзяном. Великан мертвой хваткой вцепился в его плечо.

— Е Цинжан, уходим! Живее! — выдохнул он, увлекая юношу за собой в сторону черного хода.

— Они знали, когда напасть. Хэ Чэншуан предупреждал тебя о чем-то подобном? — на бегу спросил Е Цинжан.

Лао Цзян мотнул головой:

— У Босса Хэ со старым мерзавцем, Третьим господином, давние счеты. Наш босс уехал в Юньнань, чтобы проверить крупную сделку по сбыту нефрита с русскими. Старик действительно планировал перехватить его там, но никто не думал, что у него хватит наглости ударить по нашему дому.

Е Цинжан быстро сопоставил факты.

«Похоже, Третий господин решил не просто подгадить Хэ Чэншуану, а раз и навсегда зачистить всю территорию. Он явно не ожидал, что здесь останется Лао Цзян, и выслал сюда лишь часть людей для зачистки тылов»

Он заметил два ствола, заткнутые за пояс великана, и пистолет Тип 77 у него в руке. Не дав Лао Цзяну опомниться, Е Цинжан ловким, неуловимым движением выхватил у него из-за спины пистолет Тип 54. Великан растерянно моргнул, почувствовав, как полегчал пояс.

— Е Цинжан, отдай! Ты же стрелять не умеешь, только патроны переведешь! Нам нужно прорываться к подземной стоянке Игорного дома нефрита «Хунъюнь», там переждем. С боссом там безопаснее встретиться.

План побега на машине через задние ворота был очевиден, и наемники Третьего господина это предусмотрели. Они разделились на две группы, заходя с фронта и с тыла. И пока одна половина бандитов штурмовала парадную дверь, те, кто пробрался в сад, столкнулись с неожиданным препятствием.

Черный леопард почуял чужаков задолго до того, как они пересекли черту участка. Угольно-черная шкура Да Хэя идеально сливалась с ночным мраком. Почти оправившись от ран, он испытывал к этим крадущимся двуногим лишь глухую ярость. Словно бесплотная тень, зверь бесшумно обошел нападавших с тыла.

Предводитель штурмовой группы заглянул в пустой вольер и выругался сквозь зубы:

— Мать твою, твари нет на месте!

Они знали, что Хэ Чэншуан держит опасного питомца, но не предполагали, что зверь разгуливает на свободном выпасе.

Не успело эхо его слов затихнуть, как шедший последним наемник истошно закричал. Обернувшись, бандиты застыли от ужаса: огромный черный леопард подмял под себя их поделника. Клыки хищника глубоко вонзились в горло жертвы. Из раны хлестала темная кровь. Мужчина конвульсивно дернулся, его глаза остекленели — спасти его было уже поздно.

Покончив с первым, Да Хэй мощным толчком лап взмыл в воздух, сбивая с ног следующего противника. Сила удара была такова, что падающее тело увлекло за собой еще двоих.

Оставшиеся на ногах наемники в панике открыли беспорядочный огонь. На открытом пространстве сада леопарду было негде укрыться — несколько пуль задела его по касательной. Но прочная шкура и плотные мышцы выдержали удар: без специальных транквилизаторов

завалить такого зверя с нескольких выстрелов было невозможно. Запах собственной и чужой крови окончательно лишил леопарда рассудка. С глухим яростным рыком он метался среди нападавших, полосую их когтями и разрывая плоть.

Пользуясь поднявшейся суматохой, Е Цинжан и Лао Цзян выскочили во двор. Он двигался плавно, без суеты — два сухих выстрела уложили наповал двоих прихвостней Третьего господина, пытавшихся обойти дом.

Лао Цзян от удивления чуть не выронил оружие:

— Ты же на лекаря учился! Откуда такая точность?!

В прежней жизни, когда старый мир рухнул, огнестрельное оружие ценилось на вес золота, но при наличии средств его можно было достать. Е Цинжану доводилось держать в руках пистолеты, хотя особой любви к ним он не питал — патроны быстро кончались, да и убойная сила обычного калибра не шла ни в какое сравнение с возможностями магии стихий. И все же четыре месяца упорных медитаций и тренировок сделали его тело невероятно послушным, а реакцию — молниеносной. Управляться с тяжелым армейским пистолетом для него теперь не составляло никакого труда.

<http://bllate.org/book/19006/1919817>